

Глава 7. Нефритовая подвеска

Сидящие за столом переглянулись, ловя каждое слово, после чего один из игроков подал голос:

— У молодого господина дерзкий тон. Но азартные игры требуют звонкой монеты. Вы уже решили, что выставите против наших фишек?

Цзян Мянью запнулся, и его воодушевление слегка поухло. Об этом он как-то не подумал.

Самым ценным, что у них было, оставался тот домик, но младший шишу уже заложил его. Неужели им придётся ночевать на улице?

Сам-то он не пропадёт — парень молодой, крепкий, везде выживет. Но как быть с этим болезненным шишу? В такую погоду провести ночь под открытым небом — всё равно что лишиться половины жизни.

Пока он мучился сомнениями, Цинь Уцзю небрежным жестом снял с пояса нефритовую подвеску и бросил её на стол.

Это был превосходный белый нефрит «баранье сало» — чистый, полупрозрачный, с тончайшей резьбой, в центре которой красовался иероглиф «Цинь».

Одного взгляда хватало, чтобы понять: вещица стоит целое состояние. У игроков глаза полезли на лоб. Один из игроков даже пригнулся к столу, рассматривая сокровище поближе. Он хотел было коснуться его, но не посмел, лишь восхищённо пробормотал:

— Какая редкость... Сколько же за неё дадут?

Договорить он не успел — получил от старшего тяжёлый подзатыльник.

Сглотнув слюну, тот выпрямился. Главарь шайки жестом велел подручному убрать подвеску в сторону, после чего вскинул подбородок, глядя на Цзян Мянью:

— Во что сыграем? Выбирай сам, малый, чтобы никто не сказал, будто мы обижаем новичков.

Цзян Мянью огляделся. Вариантов было много — он видел подобное в кино, но в правилах разобрался слабо.

— Давай просто на кости. Кто больше выбросит, тот и победил.

Для него это было понятнее всего.

Сидящие за столом расхохотались, явно потешаясь над его наивностью.

— Ты сам выбрал, парень. Смотри не расплачься, когда проиграешь даже исподнее.

Зеваки, собравшиеся вокруг, сочувственно закачали головами:

— Эх, молодой господин, выбрали бы вы что другое. В нашем Фэнчжоу ещё никто не смог обыграть Бога азартных игр — Железную руку.

«Бог азартных игр?» — Цзян Мянью невольно усмехнулся про себя. Какое пафосное прозвище.

Окружающие наперебой советовали ему передумать, но он был непреклонен:

— Начинайте.

В детстве сын соседа Цзян Мянью был помешан на сериалах и постоянно крутил в руках игральные кости. Мальчику всё казалось в новинку, и он выпрашивал поиграть тоже. Оказалось, у него к этому талант: кубики в стакане слушались его беспрекословно, выпадая именно так, как он задумывал.

Видя это, соседский мальчишка подбил других детей устроить игру на деньги. В тот вечер маленький Цзян Мянью помог ему выиграть приличную сумму.

Разумеется, всё вскрылось. Родители проигравших детей пришли разбираться, и старшего соседа жестоко выдрали. Цзян Мянью же дедушка бить не стал — лишь долго и терпеливо объяснял, почему азартные игры — это зло, к которому нельзя прикасаться.

Из-за стены доносились вопли соседа, и напуганный Цзян Мянью, обняв деда за шею, клятвенно пообещал больше никогда так не делать.

Дедушка тогда лишь улыбнулся и повёл его в лавку за леденцом на палочке. Цзян Мянью до сих пор помнил тот вкус — зелёное яблоко, кисленькое и чудесное.

С тех пор он не прикасался к игре, но сама механика тряски кубиков ему по-прежнему нравилась.

И вот сейчас, спустя столько лет, он взял стакан. Он помнил всё. Под стук костей в кожаном нутре стакана детские воспоминания становились удивительно чёткими.

Цзян Мянью вдруг поймал себя на мысли, что теперь может спокойно вспоминать об уходе бабушки. Эти образы больше не ранили — они пахли тем самым зелёным яблоком и согревали душу.

Юноша улыбнулся. Пока он помнит, бабушка никуда не ушёл.

Слух о том, что какой-то наглый юнец бросил вызов главарю игорного дома, разлетелся мгновенно. Со второго этажа повалил народ, и на без того тесном первом этаже стало не пройти.

Атмосфера накалилась до предела. В центре внимания сидел красивый молодой мужчина в наброшенных на плечи одеждах — он неспешно чистил жареные каштаны, пока подле него прекрасный юноша крушил противников в пух и прах.

Под прицелом сотен глаз Цзян Мянью открыл стакан. Три шестёрки. Леопард.

Сидящий напротив мужчина средних лет помрачнел. У него и без того был свирепый вид из-за шрама на левой щеке, но сейчас он выглядел по-настоящему пугающе.

Мальчишка дважды подряд выбросил леопарда — высший балл. Невероятная удача или перед ним мастер?

Стакан перешёл к мужчине. Тот, даже не глядя, привычно встряхнул его, добавив пару трюков: кубки закружились в воздухе, заставляя толпу восторженно аплодировать.

Крышка открыта — три шестёрки.

Ничья.

Третий раунд.

Мужчина толкнул стакан к Цзян Мянью и глухо произнес:

— Последний раз. Если признаешь поражение сейчас, я оставлю тебе немного денег на обед.

Мужчина не мог стерпеть вызова от мальчишки. Для него это было личным оскорблением. Тот жаждал увидеть, как этот юнец сдастся.

Цзян Мянью посмотрел ему прямо в глаза и заметил в них тень тревоги. Юноша улыбнулся:

— Не стоит. Продолжим.

Он накрыл стакан ладонью, но вдруг что-то вспомнил и повернулся к Цинь Уцзю:

— Младший шишу, это последний бросок, и пойдём домой. Не хотите испытать удачу?

С самого начала игры Цинь Уцзю не сводил глаз с Цзян Мян, совершенно игнорируя всё остальное.

Когда Цзян Мян тряс кубики, он двигался с изящной силой, и его тонкая талия и крепкие, гибкие руки работали в такт. Каждое движение было выверенным и эстетичным.

Услышав вопрос, Цинь Уцзю приподнял бровь. В его обычно безжизненном взгляде мелькнул огонёк интереса. Он отложил каштан и придвинул стакан к себе.

Стоило ему коснуться кожи, как Цзян Мян накрыл его руку своей — тёплой и сухой.

— Это очень просто, — шепнул Цзян Мян. — Просто доверьтесь мне.

Цинь Уцзю расслабил пальцы и лениво откинулся на спинку стула.

— Хорошо, — негромко отозвался он.

Пальцы Цзян Мян были длинными и изящными, но всё же чуть меньше ладони Уцзю. Он не мог полностью обхватить руку мужчины, поэтому переплел свои пальцы с его, крепко сжимая стакан вместе.

Чужое тепло передавалось волнами. Это касание было совсем не похожим на то, когда он просто грел ему руки... кажется, оно было куда интимнее.

Кончики пальцев Цинь Уцзю дрогнули. В следующий миг Цзян Мян сжал хватку и повёл его руку, заставляя кубики заплескаться внутри.

Грохот костей заполнил тишину. В игорном доме стало так тихо, что было слышно дыхание зрителей.

Все замерли, гадая: победит ли этот юноша?

Секунды растягивались, превращаясь в вечность. Противник нервно дергал щекой со шрамом.

Наконец, Цзян Мянью вместе с Цинью Уцзю с силой опустили стакан на стол. Крышка была сорвана. Снова три шестёрки. Опять леопард!

Шайка напротив заволновалась. Главарь помрачнел, резким взглядом осадил струхнувших подручных и ледяным тоном бросил:

— Чего расшумелись? Результат ещё не объявлен, с чего вы взяли, что я проиграл?

Из чьих-то других уст это прозвучало бы как жалкая попытка сохранить лицо, но Железной руке возразить не посмели.

Толпа зашепталась:

— Он ведь никогда не ошибается. Неужели снова будет ничья?

— Скорее всего.

— Да парню просто везло. Второй раз такое не прокатит.

— Тсс, смотрите!

Мужчина встряхнул стакан с небывалым напором, и в этот момент что-то пошло не так. Раздался негромкий хруст — и стакан буквально развалился в его руках, части его посыпались на стол.

Зрители ахнули: в обломках чётко виднелось двойное дно и скрытый механизм. Среди присутствующих не было дураков — все мгновенно узнали приспособление для жульничества.

Подручный главаря побледнел и в ужасе схватился за голову:

— Пропали...

Цзян Мянью мягко улыбнулся:

— Я же сказал: это последний бросок.

Цинью Уцзю, подперев голову рукой, наблюдал за юношей с кривой усмешкой. В этот миг его «маленький племянник» казался ему чертовски эффективным.

Главарь уставился на Цзян Мянью с такой яростью, будто собирался разорвать его на куски

прямо здесь. Но не успел он подать знак своим людям, как вперёд вышли разгневанные игроки.

— Так вот почему он всегда выкидывал леопарда! Ах ты дрянь!

— Верни деньги, ублюдок!

— Мошенник!

Игорный дом взорвался, словно бочка с порохом. Когда дело касается денег, люди теряют рассудок. Игроки, вспомнив все свои проигрыши, с воплями бросились на банду.

Началась невообразимая свалка. Пользуясь суматохой, Цзян Мянью схватил Цинь Уцзю за руку и потащил к выходу. Уходя, он не забыл прихватить со стола нефритовую подвеску, закладную на дом и мешочек с каштанами.

Они выскочили наружу и остановились, только когда отбежали на приличное расстояние.

Цзян Мянью просиял. Юноша с самого начала подозревал подвох, а коснувшись стакана, окончательно убедился в своей правоте. С того момента, как он вступил в игру, он не собирался спускать этим людям обиду.

Обижать младшего шишу? Этого он не потерпит!

Теперь разъярённая толпа просто разнесёт этих деляг в щепки.

Цзян Мянью не беспокоился о последствиях: среди игроков он заметил сыновей влиятельных семейств Фэнчжоу, и те были впереди всех. Даже если владелец заведения — местная шишка, после такого скандала ему несдобровать.

Пусть теперь расхлёбывает.

Цзян Мянью взглянул на небо. Когда они выходили, светило солнце, а теперь на улицах уже зажглись фонари.

Он повернулся к Цинь Уцзю:

— Младший шишу, пойдёмте домой.

Вечерело, становилось холодно. Цзян Мянью беспокоился о здоровье Уцзю и не хотел, чтобы тот переутомился или простудился, поэтому нанял экипаж.

Колёса застучали по каменной мостовой.

Опасаясь, что настроение шишу испорчено посещением притона, Цзян Мянью принялся его утешать:

— В обычных игорных домах всегда так, там сплошное жульничество. Вы человек далёкий от этого, так что не знать таких вещей — совершенно нормально.

Цинь Уцзю и впрямь не принял случившееся близко к сердцу. Слушая, как юноша со знанием дела рассуждает о мирских порядках и уловках, он спросил:

— Ты так хорошо разбираешься в делах простых смертных?

Цзян Мянью запнулся. И в самом деле, для примерного ученика бессмертного ордена он слишком бойко болтал о притонах. Он потёр нос и тихо ответил:

— До того как попасть в орден... я прилично покрутился среди людей.

Цинь Уцзю не заметил мимолётной неловкости в словах племянника. В его душе шевельнулось странное чувство — удивление. Он полагал, что давно утратил такую вещь, как любопытство, но рядом с Цзян Мянью оно пробуждалось вновь и вновь.

Это заставило его по-новому взглянуть на нежданного спутника.

Цинь Уцзю не любил вещей, способных влиять на его эмоции. Его интерес к Цзян Мянью понемногу выходил из-под контроля. Стоит ли оставить его при себе или же...

В полумраке кареты взгляд Цинь Уцзю стал тяжёлым и непроницаемым, в воздухе разлилась едва уловимая угроза.

Цзян Мянью, ничего не замечая, выудил из-за пазухи закладную, разорвал её в клочья, а затем протянул Уцзю нефритовую подвеску:

— Младший шишу, возьмите. Это ваше.

Раз тот носил её при себе, значит, она была ему дорога.

Голос юноши вернул Цинь Уцзю к действительности. Он пристально посмотрел на мальчишку, и тьма, за клубившаяся в глубине зрачков, бесследно исчезла.

Он вдруг передумал. Убить его? Нет, так будет совсем неинтересно.

Цинь Уцзю скользнул равнодушным взглядом по руке юноши и не сделал попытки забрать вещь.

— Раз ты её выиграл, пусть будет твоей.

Цзян Мянью всполошился:

— Ну как же так, я ведь...

Но Цинь Уцзю уже закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен.

Цзян Мянью не посмел его беспокоить — за этот день шишу наверняка вымотался. Сжимая нефрит в ладони, он прошептал:

— Ну хорошо... Тогда я присмотрю за ней для вас.

Он не заметил, как в глубине камня медленно угасла багровая искра, и нефрит снова стал обычным — холодным и чистым.

В карете воцарилась тишина. Цзян Мянью, подражая шишу, тоже прикрыл глаза, чтобы восстановить силы.

А снаружи лился лунный свет, и экипаж вез их сквозь ночь домой.

<http://bllate.org/book/17489/1708999>